

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена одной из актуальных проблем социальной философии – географическому детерминизму, идею которого разделяли не только философы, но и многие историки. В работе анализируются эвристические возможности этого принципа.

Ключевые слова: детерминизм, географические условия, натурализм.

A.A. Drozdov

NATURE AND SOCIETY: GEOGRAPHICAL DETERMINISM AS ONE OF THE PRINCIPLES OF KNOWLEDGE OF SOCIO-HISTORICAL REALITY

The article deals with one of the pressing problems of social philosophy – the geographical determinism, the idea that shared not only philosophers, but many historians. The paper analyzes the heuristic possibilities of this principle.

Keywords: determinism, geography, naturalism.

Географический детерминизм, вероятно, был одной из первых форм натурализма. Он абсолютизировал влияние географических условий (климата, почвы, полезных ископаемых, водных артерий и т.п.) на социально-историческое развитие общества (И. Гердер, Ш. Монтескьё, А. Тюрго, Г. Бокль и др.).

О неразрывной связи истории и географии говорили еще античные авторы. Влияние географических условий на историю отмечали Геродот, Фукидид, Платон.

Аристотель писал: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [1, с. 601].

¹Аспирант НОУ ВПО «Российский новый университет».

Средневековые авторы продолжили эту традицию. По мнению Гервасия Тильберийского (XII в.), характер европейских народов зависит от климата, поэтому «римляне – мрачны, греки переменчивы и ненадежны, африканцы – хитры и коварны, галлы – свирепы, а англичане и тевтоны – сильны и здоровы» [10, с. 166].

Одним из основоположников концепции географического детерминизма можно считать французского мыслителя Ж. Бодена (1530–1596).

Боден исходил из того, что в человеческом обществе существуют разные виды взаимосвязей. С одной стороны, связи между людьми, обладающими свободой воли, страстями и т.п., не поддаются строгому анализу. С другой стороны, на дела человеческие оказывают влияние климат, раса и т.п., которые могут быть объектом научного познания.

Боден утверждал, что климат играет главную роль среди других природных факторов, определяющих психический склад народа и его историческую судьбу. Мыслитель выделял три основные климатические зоны: южную, умеренную и северную. Северяне в отличие от южан имеют больше внутреннего тепла, что делает их более сильными и активными. Южане более склонны к размышлению, северяне – к ремеслам и изобретениям, а население умеренной зоны акцентирует деятельность по устройству общественных дел. Кроме климата Боден отмечал характер местности (горная, болотистая или пустынная) и качество почвы – ее плодородие или бесплодие [2].

В свою очередь, *Ж.-Б. Дюбо* (1670–1742) различия в характере народов пытался объяснить разницей в качестве воздуха, которым они дышат. Воздух влияет на качество крови. Последняя определяет строение органов человеческого тела. Качество воздуха, по Дюбо, зависит от «испарения почвы»: разные почвы дают неодинаковый воздух, следовательно, – разные характеры народов, там проживающих [5].

Наиболее последовательно географический детерминизм был представлен в работах *Ш. Монтескьё* (1689–1755), который утверждал, что климат, почва и состояние земной поверхности определяют дух народа и характер общественного развития. На характер общественного строя, согласно Монтескьё, первостепенное влияние оказывает климат: «Есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством» [9, с. 366].

Философ полагал, что рельеф местности в форме больших равнин оказал влияние на появление в Азии обширных империй, всегда требующих деспотической власти. Всеобщие законы истории определяются также комплексом социальных факторов: производством, собственностью, принципами правления, обычаями и религией.

Разделение мира природы и мира людей (культуры, социума) было вполне естественным по мере развития и дифференциации наук. Нерасчлененность природы и человека представляла анахронизмом. Рассуждения Монтескьё о влиянии климата на нравы, традиции народов и политическое устройство обществ выглядели наивными. Но ведь и молодой Маркс в экономических рукописях 50-х гг. XIX в., ссылаясь на своеобразие природно-климатических условий Азии, отметил существенное отличие социально-экономического развития обществ Востока и невозможность их включения в единую схему исторического процесса («азиатский способ производства»).

Географический детерминизм, пытаясь найти естественные детерминанты развития истории, противостоял провиденциализму. Однако если особенности социального строя еще как-то можно было объяснить природными факторами, то причины эволюции общества раскрыть с их помощью было невозможно, что отмечали уже современники Монтескьё. Например, шотландский мысли-

тель *Дж. Миллар* (1735–1801) писал: «Как много наций может быть найдено, где ситуация с точки зрения климата совершенно одинакова, а характер и политические институты... полностью противоположны? Сравните в этом отношении мягкость и умеренность китайцев с грубыми нравами и нетерпимыми принципами их соседей в Японии. Что за контраст проявляют народы, жившие рядом, такие, как афиняне и лакедемонцы? Может ли быть принято, что различие между климатом Франции и Испании, между Грецией и соседними провинциями Турецкой империи ответственны за различные обычаи и нравы их нынешних обитателей? Как возможно объяснить национальные особенности, которые отличают англичан, ирландцев и шотландцев, различной природной температурой, при которой они живут? Различные нравы народа в той же самой стране, но в различные периоды не менее знаменательны и дают свидетельства, еще более убедительные, что национальный характер мало зависит от непосредственного воздействия климата. Нынешние обитатели Спарты живут под влиянием тех же самых физических условий, что и во время Леонида. Современные итальянцы живут в стране древних римлян» [11].

В XIX в. географический детерминизм отстаивали Э. Реклю, Г. Бокль и другие ученые.

Например, согласно взглядам историка Бокля, важнейшими факторами развития общества являются климат, пища, почва и ландшафт. Плодородная почва, обеспечивая избыток пищи, ведет к перенаселению, нищете работников и богатству властей. Ландшафт действует на «накопление и распределение умственного капитала». Существуют ландшафты, которые возбуждают воображение, и ландшафты, способствующие развитию логической деятельности. К их числу Бокль относил природные условия Европы.

В России также были приверженцы географического детерминизма. Между тем следует заметить, что в строгом смысле таковыми можно считать только тех мыслителей, которые географический фактор считали главной движущей силой исторического процесса. А то, что природные условия влияют на развитие общества, сомнению не подлежит.

Например, *Н.В. Гоголь* (1809–1852) писал, что «география должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. Она должна показать, как положение земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им; как часто гора, вечная граница, взгроможденная природою, дала другое направление событиям, изменила вид мира, преградив великое разлитие опустошительного народа или заключивши в неприступной сво-

ей крепости народ малочисленный, как это могущее положение земли дало одному народу всю деятельность жизни, между тем как другой осудило на неподвижность; каким образом оно имело влияние на нравы, обычаи, правление, законы» [4, с. 41].

Русская историческая мысль также давно подметила важнейшую роль природных условий в становлении и развитии истории той или иной страны.

С.М. Соловьёв (1820–1879) в географическом факторе видел ключ к пониманию истории России. Положение ее между Европой и Азией определило два основных этапа в ее политике: сопротивление наступлению Азии, а затем движение на Восток в качестве форпоста европейской цивилизации.

В.О. Ключевский (1841–1911) также писал: «Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа – природу его страны» [6, с. 63].

Не был сторонником «фатального» детерминизма в истории и *Л.И. Мечников* (1838–1888).

В книге, название которой говорит само за себя: «Цивилизация и великие исторические реки», Мечников выделял три фазы исторического развития в зависимости от водных ресурсов: речная, морская и океаническая эпохи. Первые цивилизации возникли в долинах крупных рек: египетская в долине Нила, ассирийско-вавилонская – Тигра и Евфрата, китайская – Хуанхэ и Янцзы, индийская – в бассейнах Инда и Ганга. Другая эпоха в развитии цивилизации появилась главным образом в Средиземноморье. Затем произошло падение средиземноморских наций и быстрый рост стран, расположенных на побережье Атлантики, и началась новая эпоха мировой истории – океаническая.

Однако Мечников не рассматривал реки как единственный или главный фактор возникновения и развития цивилизаций. Он делал акцент на соотношении речных артерий и людей, способных к «кооперации и солидарности». Мечников подчеркивал, что он не является защитником теории «географического фатализма», который наперекор фактам утверждает, «что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменяемую роль. Нет, – говорит он, – дело идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации» [8, с. 323].

По мнению русского ученого, возникновение и характер цивилизации, особенности ее социального строя зависят главным образом все же не от геогра-

фических условий, а от конкретных условий жизни людей, представителей данной цивилизации.

В концепции локальных цивилизаций *А. Тойнби* географическому фактору отводится роль причины и исходного пункта в форме так называемого «вызова».

Согласно Тойнби, все цивилизации имеют одинаковую схему развития, одинаковые фазы, ступени, подобно живому организму: рождение, рост, надлом и падение, закат. Цивилизации возникают как «ответ» людей на некоторые «вызовы». «Вызов» может быть со стороны природно-географической среды или со стороны соседей: «Первые вызовы, которые можно зафиксировать в человеческой истории, были сделаны дельтами рек Нила, Иордана, Тигра и Евфрата, Инда с его некогда существовавшим параллельным руслом. Реки эти пересекают маловодные степи, такие, как засушливая Афразийская степь. В нильской долине ответом стал генезис египетской цивилизации, в долине Тигра и Евфрата – шумерской, в долине Инда и его бывшего притока – так называемой индской культуры» [12, с. 113].

Интересно отметить, что в дальнейшем развитии цивилизаций Тойнби не упоминает географический фактор, который выпадает из логики его рассуждений, а все развитие цивилизаций объясняется лишь изменениями человеческой среды.

Рост цивилизаций осуществляется при помощи творческих личностей, «творческого меньшинства». Когда «нетворческое большинство» перестает следовать, подражать «творческому меньшинству», наступает период надлома цивилизации. Тогда меньшинство для сохранения своей власти может прибегать к силе, насилию. Последнее оборачивается расколом общества, что ведет к падению и гибели цивилизации. Ключ к пониманию истории у Тойнби – концепция «Вызов–Ответ».

По мнению некоторых философов, заслугой Тойнби является сравнительный подход к истории различных цивилизаций и понимание того, что цивилизации в определенный момент времени могут находиться на разных ступенях развития. Проще говоря, человеческий мир, история – это совокупность цивилизаций, которые как-то связаны друг с другом, но в целом существуют автономно, как отдельные живые организмы, и нет, так сказать, одного эталонного, «правильного» организма единой «передовой» цивилизации, с которой можно было бы сравнивать все остальные, равняться на нее.

Коллингвуд полагал, что концепция истории Тойнби натуралистична, а также в своей основе является биологической, поскольку использует биологические аналогии [7, с. 156].

К недостаткам историософии Тойнби, по нашему мнению, следует отнести: 1) схематизм, в который как бы «укладываются» смены фаз эволюции различных цивилизаций; 2) описательность концепции, повествование на уровне явлений, а не анализ на уровне сущностей; 3) наличие элементов провиденциализма.

Школа «Анналов» тоже отдала дань в объяснении истории географическому фактору. Исследования в области палеогеографии и, особенно, палеоклимата, например, при изучении раннего Средневековья в Западной Европе, позволили глубже, и иногда и по-новому истолковать исторические феномены изучаемой эпохи.

Географический детерминизм в познании истории, общества и человека сыграл определенную положительную роль. И.А. Гобозов ее характеризует так: «Во-первых, признавая определяющую роль географической среды в историческом процессе, они тем самым показали, что движущие силы общественного развития следует искать на земле, а не на небе, как это делали и делают теологи. Во-вторых, многие их идеи очень актуальны в наше время, когда... мир переживает глубокий экологический кризис и когда необходимо беречь природную среду, от которой в конечном счете зависит жизнь и дальнейшее существование человечества» [3, с. 60]. Вместе с тем, Гобозов справедливо упрекает сторонников географического детерминизма в игнорировании качественного своеобразия общества.

А.И. Уемов высказал гипотезу, что образование огромной империи в Древнем Египте было обусловлено географическими факторами: все города как бы «нанизаны» на Нил, и потому один из них, усилившись, мог завоевывать остальные, поскольку образование коалиции для оказания сопротивления завоевателю было затруднено в силу географических причин. В Междуречье же так не происходило.

В современной литературе встречаются суждения, которые явно напоминают идеи географических детерминистов прошлого.

Ученый-географ В.А. Шупер утверждает: «Ландшафт – отец психологии народов, именно поэтому крайне нежелательны их массовые переселения, даже если последние вполне добровольны (в лучшем случае новый ландшафт сформирует новый народ), но и любые изменения общественного сознания имеют самые серьезные последствия для ландшафтов» [13, с. 258].

И далее он пишет следующее: «Следует отказаться от архаических попыток понять социальные явления вне природной среды, равно как и природные явления – вне социальной. Поэтому географы всегда были и будут географически

ми детерминистами. Разумеется, не в том смысле, в каком был детерминистом Ш. Монтескье. Вряд ли серьезный ученый в конце XX века может утверждать, что климат определяет характер людей, а вместе с тем и политическое устройство государства. В наши дни мы находим парламентские демократии во всех климатических поясах: по соседству с ледниками – в Исландии и по соседству с экватором – в Сингапуре. Но можно ли пренебречь идеями выдающегося немецкого географа А. Геттера, писавшего на рубеже веков, что обширные равнинные пространства способствуют образованию деспотических режимов? Можно ли пренебречь идеями одного из виднейших отечественных географов, П.П. Семёнова-Тян-Шанского, исследовавшего типы устойчивой пространственной организации государств? Семёнов-Тян-Шанский считал наиболее устойчивым типом пространственной организации государства систему “от моря до моря”» [13, с. 255–256].

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983.
2. Боден, Ж. Метод легкого познания истории. – М. : Наука, 2000.
3. Гобозов, И.А. Введение в философию истории. – М. : ТЕИС, 1999.
4. Гоголь, Н.В. О преподавании всеобщей истории / Н.В. Гоголь. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1978.
5. Дюбо, Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. – М., 1976.
6. Ключевский, В.О. Курс русской истории // В.О. Ключевский. Соч.: в 9 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1987.
7. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории: автобиография. – М. : Наука, 1980.
8. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. – М. : Прогресс, 1995.
9. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. Избранные произведения. – М. : Госполитиздат, 1955.
10. Райт, Дж.К. Географические представления в эпоху Крестовых походов. – М. : Наука, 1988 [1925].
11. Семёнов, Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М. : Современные тетради, 2003.
12. Тойнби, А. Постигание истории. : сборник. – М. : Прогресс, 1991.
13. Шупер, В.А. География и социальное познание // Теория познания: в 4 т. – Т. 4. Познание социальной реальности. – М. : Мысль, 1995.